

Алена Тим first

Грусть ЛЮБВИ

Алёна Тим

Грусть любви

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3019795

Аннотация

Состариться или помолодеть в 25 лет? Первая безумная любовь и первый секс, поиски себя, борьба за собственное мнение, профессиональный опыт – все было и это большой чемодан из радостей, ошибок, сожалений и достижений.

Преодолеть кризис четверти жизни, и снова начать воплощать мечты, думать по-новому – в этом героине помогает сила творчества и искусства, сила сильных и слабых. Главный герой – молодая женщина, бежит в «никуда», где находит ответы на свои вопросы, где отпускает бывшую любовь, находит людей, которые понимают ее, и мужчину, готового для нее на подвиги во имя взаимной любви, обретая себя заново.

Тебе «уже» за 20? Тогда эта книга для тебя. Романтика и психология, эротика и искусство переплетаются в сюжете повести.

Содержание

Побег	4
Спасение, которого никогда не стоит ждать	10
Утренний душ и неустойчивое чувство безопасности	15
Когда мастер предлагает выпить чаю	20
История одного пути	23
Если бы танцевать	27
Яйцо плавало в мировом океане	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алёна Тим first

Грусть любви

Побег

Что-то мокрое и колкое падало на ее лицо, смешиваясь со слезами. Она прижимала к щеке кроличью шкурку воротника и торопливым подростково-мальчишечьим шагом вела себя в неизвестное пока ей. «Почему? Почему вы все время доводите меня да такого? Больше никто меня так не доводит!» – кричала она.

– Я хочу остаться одна. Не иди за мной, – говорила она отцу.

Ей мучительно хотелось именно сейчас быть свободной. Свободной от решений, которые принимали за нее другие, от глупостей, навязанных ей якобы новым поколением миллениума – от всего, что только могло помешать ей принять решение именно сейчас.

– Я не могу тебя оставить.

Он шел следом.

Она чувствовала на себе его взгляд, как взгляд патологоанатома.

– Не иди за мной.

Она так хотела вырваться отсюда, из цепких рук ее любви.

мых родственников, из круга тех ненужных советов, которые ей когда-либо давали.

Аля почти бежала. Где-то под мостом он крикнул ей: «Ты куда?»

Она воспользовалась тем, что их разделяло 50 метров. И, остановив первую попавшуюся машину, сказала грубоватому на вид мужчине за рулем:

«Куда угодно...».

Аля видела, что отец бежал, что он, наверное, даже плакал. Но на скорости 150 его фигура быстро превратилась в то, что она уже не могла разглядеть.

Еще десять минут она молчала. Дрожала. Потом закурила. Она не взглянула на мужчину за рулем. И только смотрела вперед, где огни дешевых и дорогих машин быстро мчались по Ленинградскому шоссе.

Возможно, это был тот человек, который хотел кого-то снять. Ведь здесь часто кого-то снимают. Да, именно на этой остановке. А возможно, он ее изнасилует и выкинет из машины. Ей было все равно. Ведь она хотела умереть, так что все это для нее не имело значения.

Боясь взглянуть в лицо попутчику, она кинула быстрый испуганный взгляд в зеркало заднего вида. Водила был смущен и тоже почему-то испуган. Вытирая или, скорее, размазывая слезы и растаявший снег по своему лицу, она поерзала в кресле.

– Кресло горячее.

– Могу сделать похолоднее, – тихо и сдержанно сказал мужчина, у которого она видела лишь часть лица.

И тут она удивленно посмотрела на его профиль с массивным подбородком.

Не отводя взгляда от полупустой дороги, он добавил:

– ...С подогревом.

Она видела, что они выехали из ее областного городишки, это только усилило дрожь, прибавив несколько порций адреналина.

Его усмешка настораживала, но, снова увидев его глаза в зеркале, она немного успокоилась. Глаза были спокойные, и, как ей показалось, в них было сочувствие.

– Ну что, детка, поссорилась с папой? – сказал водила.

Этот тон Але не понравился совсем.

Она старалась отвлечься на мелькавшие в исцарапанных камешками окнах фонари, которые освещали ее бледное и опухшее от слез лицо, раскрасневшееся от того, что она беспрестанно терла его ладонями.

– Ну что молчишь, проказница? – спросил опасный попутчик и бросил взгляд на ее съежившееся тельце в кресле с подогревом – тельце, которому он в уме прикидывал цену.

Аля удивилась перемене в нем. Ведь ей казалось, что она увидела в его глазах сочувствие. Или это просто зеркало заднего вида сочувствовало ей?

Почему вдруг произошло так? Ведь у нее было достаточно шансов, чтобы этого не случилось. Но эти шансы как будто

всегда прятались от нее, и Алька влипала в истории, но это была покруче многих.

Аля снова взглянула в зеркало и увидела там жестокость – глаза шакала, будто готового сожрать ее.

Впереди дорогу перебегала большая собака. Она инстинктивно крикнула: «Тормози!». Но водила и не думал сбавлять скорость. Животное выскочило практически из-под машины, издав не по-собачьи испуганный вопль, и исчезло из поля зрения.

Водила даже не вздрогнул, не изменил своего положения, а только, оставив левую руку на руле, положил правую на обтянутую джинсой ногу Али.

Он стал продвигать руку в том направлении, которого меньше всего хотелось ей. Аля сжала ноги. Она вспомнила слова одного из своих поклонников:

– Ты можешь остановить поток мыслей?

– Да, но ненадолго.

– Но это же не как дышать?

Сейчас ей казалась, что дышать и мыслить было одно и то же, но только в другом смысле. Она не могла холодно оценить ситуацию, все спуталась в голове; дыхание невозможно было хоть чуть контролировать: оно то учащалось, то легче было его просто задержать и не дышать вообще. Не дышать и не думать... Это и было ее основным желанием сейчас.

– Ты молчишь? Это неуважение ко мне, – сказал водила, резко затормозил и, не смотря на дорогу, заехал на встречу

через двойную полосу. Он полез к ней своими лапами, похожими на лопасти снегоуборочных машин, которые собирают снег, чтобы перетопить его. Аля отталкивала его, сопротивляясь настолько, насколько ей позволял шок от осознания риска для жизни собственного поступка.

– Та еще штука, – изрек попутчик, – У нас, знаешь, бывают приходят такие, им буддисточек подавай, таких как ты. А ты такая миниатюрненькая... очки у тебя, идут к твоему бледнучему лицу. Ты у них нарасхват пойдешь, денежек срубим с тебя. Не переживай, детка. Он провел своей потной рукой по ее спутанным непослушно-кудрявым волосам.

Они проехали по какой-то безасфальтовой дороге, где уже не было фонарей, а огни ночной видимости уже были не в силах осветить то, что должно было показаться впереди. Собаки больше не перебежали дорогу. А небритый мужик за рулем больше ничего не говорил. Он только сопел и постукивал Алю по коленке, как будто это была не она, а какое-то пластмассовое или деревянное приспособление для разрядки лишней энергии.

Они подъехали к чему-то – очертания были похожи на старую халупу. Он открыл дверь, вытянул ее за руку и за ногу из автомобиля. Она куда-то шла, точнее, двигала ногами. Впоследствии она никогда не могла вспомнить то место. Аля только помнила, что какая-то девушка с исцарапанным лицом подошла к ней и сказала: «Я каждый день царапаю себе лицо, чтобы меня не выбирали, а меня все выбирают и вы-

бирают. Теперь тебя будут выбирать. Я вижу – ты красивая».

Аля бросилась куда-то в сторону, ударила кого-то ногой. В каком-то маниакально-аффективном припадке ноги ее понесли в лучших традициях спортивных забегов.

Она бежала и слышала, как сзади что-то страшное пыталось настигнуть ее. Это страшное тяжело дышало. И оно дышало все тяжелее и тяжелее, а потом тише и тише, и Аля старалась удалить от себя это, и бежала еще быстрее, и потом перестала слышать ужасный звук отдышки, переходящий в хрип.

И вдруг она увидела сквозь кусты какой-то мелькающий свет и бросилась туда, как мотылек на огонь. Аля почти оказалась под колесами автобуса.

Он остановился в нескольких миллиметрах от ее хрупкого тела, которое хотели кому-то продать. И она стала бить по стеклу изо всех сил, вроде даже разбила его, потому что по пальцам текла кровь. Увидев, что дверь открыта, она впрыгнула на ступеньки. И почему-то крикнула: «Где мы?». А потом: «Едем! Едем! Пожалуйста, едем!», хотя автобус уже набирал скорость.

Спасение, которого никогда не стоит ждать

Никто не говорил ни слова так, будто боялся что-то сказать, как показалось Але. Она посмотрела вокруг и увидела мужчин разного возраста, от чего сразу перехватило дух. Сбежать от одних, чтобы попасть в лапы других?

– Мерзавцы, – куда-то в сторону пробубнил один из них.

– Что? – не поняла она. И, пересекая взглядом автобус, наткнулась на автора обвинения.

– Ты будешь богатой и известной, – тихо сказал сидящий блондин, который наблюдал за ее глазами.

Аля тупо посмотрела на него, пытаясь понять, имеет ли это какое-то отношение к проституции. Не утруждая себе рискованной возможностью подумать о дальнейшем развитии событий в эту ночь, она оставалась на месте, хотя из-за усталости почти не чувствовала ног.

Один из мужчин подошел к ней, взял за руку и помог удобнее усесться в кресло. Кресло было вполне ничего, хотя без подогрева. Это был какой-то экспресс-автобус.

Они проехали бетонные прямоугольники, за которыми появились трех-этажные и двухэтажные прямоугольники – в темноте эти места были похожи на геометрию без ошибок. Было слишком темно, чтобы разглядеть какие-то детали.

Ее мечтой было ехать в никуда – ехать долго, очень долго и без остановок.

Только в свете редких фонарей можно было увидеть лица пассажиров, которые дремали или листали иностранные брошюры с видами европейских городов. Она думала, что, может быть, это были иностранцы. Ее одновременно напугала навязчивая мысль, что это иностранные сутенеры. Но она отогнала ее, как отгоняют надоедливого комара, которому так и не удалось вкушать крови.

Она поняла, что они где-то за городом, в городишке противоположном тому, где жила она. Эта поездка должна была скоро закончиться.

Сейчас Аля смотрела на мелькавшее в окне, исследовала, насколько это возможно, засохшие деревья, которые стали попадаться чаще, впадая в транс. Она погружалась в темноту, окутавшую автобус, и лишь редкие огни нарушали затуманенное стрессом бессознательное течение ее мыслей.

Но вдруг это закончилось. Потому что седеющий загорелый блондин, плотно-сложенный, с плавными движениями и каким-то чисто-мужским спокойствием, встал со своего места.

– Притормози на повороте! – быстро сказал он шоферу.

– Ты в мастерскую? – спросил другой, которого разбудил звук голоса друга.

Если она не пойдет с ним, то куда она пойдет. У нее не было денег, не было страховки или ключей от квартиры ни

одного из ее бойфрендов, у нее не было надежды, но зато у нее был большой чемодан – огромный чемодан, куда она сложила все свое прошлое и теперь повсюду таскала его с собой. Она знала – этот невидимый чемодан был с ней всегда.

Мужчина, который просил остановить автобус, окинул Альку взглядом:

– Пойдем, девчонка... не пропадешь...

Она доверилась ему какой-то частью своей души, но, так и не веря сознательно в то, что хорошее может произойти сегодня. Ей было слишком страшно, чтобы что-то ответить, предпринять и снова бежать.

Аля чувствовала этот азарт, который накрывал ее, когда она делала то, что не советовали ей другие.

Выходя из автобуса, она снова верила, что есть какой-то шанс, маленькая доля вероятности, что она может выжить среди тех, кто будет любить ее, станет богатой и известной, как сказал этот человек, который читал проспекты на разных языках.

Мысль о том, что он может читать на разных языках, подтолкнула ее и к мысли, что он не поступит с ней грубо. Она не стала рассматривать, выступает ли у него косточка на скуле.

Вроде ей уже разонравились косточки, и тот сексуально-притягивающий смысл, который она им придавала, в эту ночь рассеялся.

Пока они шли по тропинке к мастерской, она вспоминала своих бывших. И не могла вспомнить ни одного полового

акта, ради которого стоило ложиться под кого-то вновь, и вновь терять свою чистоту.

К ее успокоению, мужчина, под курткой которого была какая-то жеваная матроска, даже не пытался взять ее за руку. Он шел, и она плелась за ним.

Потом ее походка стала уверенней. Она улыбнулась и сказала себе, вдохнув сырой воздух наступающей весны: «Все будет хорошо».

Домофон прервал ее внутренний монолог. Ключ в двери, и она оказалась в мастерской. Мужчина включил свет, и она увидела мольберты и пластилин, наспех сколоченные полки со скульптурами, старый компьютер, портреты, фотографии, сваленные в стопки книги: старые с потертыми корешками и новые в гляцевитых обложках лежали вперемешку.

– Ну, теперь ты в безопасности? – то ли спрашивал, то ли утверждал седеющий блондин.

– Я – нет. А ты? – она посмотрела на него полными слез глазами.

– Хочешь чего-нибудь... чаю, виски?

Она все также стояла и смотрела на него.

– Я подумал, что, может, ты мне послана свыше...

Она продолжала рассматривать его совершенно стеклянными глазами. Все казалось нереально. Реально только то, что она покинула свою безопасность.

– Там есть диванчик, я принесу тебе одеяло.

Аля зашла в одну из комнат в направлении, которое ука-

зал седеющий блондин. Увидела куски пластилина, недолепленные портреты и скульптуры, почему-то прикрепленные к мольберту.

Она упала на диван. Под ней оказалось что-то шершавое. Она взяла это в руки. Шершавая слюда оказалась оберткой от скульптурного пластилина, на которой было написано: «Безопасен при использовании только по назначению».

Аля не могла заснуть – просто отрубилась и не видела, как руки скульптора накрыли ее теплым пледом. Ложась на старый чужой диван, она сказала себе фразу, которую часто использовала, когда ей было слишком грустно: «Сегодня мне плохо, но сейчас я посплю, а когда проснусь – все будет хорошо».

Утренний душ и неустойчивое чувство безопасности

Первое, что она почувствовала, это было чувство голода, затем желание курить. Что-то мешало открыть глаза. Потом она ощутила, что это был солнечный свет, проникающий сквозь окно, на котором не было штор.

Вчера было пасмурно, а сегодня природа явно была более благосклонна к ходящим по земле... Мужчина, имя которого было до сих пор неизвестно ей, сидел на краю дивана. Он наблюдал за ней очень внимательным, странным, тоскующим взглядом. Она посмотрела на него так резко, будто хотела убить его.

И он положил руку ей на плечо, но почувствовал, что Але это не понравилось, и убрал ее. Он нагнулся над ней и сказал:

– Ну что, беглянка?

– Пожалуйста, не разговаривайте таким тоном, я его уже где-то слышала, – сказала она.

– Слушай, как тебе удалось сбежать оттуда. Я не понял. Там же был забор.

– Забор? Какой забор?

– Ты не помнишь, как перепрыгнула через забор?

– Ну это же публичный дом, ты понимаешь... И там забор, там охранник. Он бежал за тобой, и этот хмырь, такой

бородатый.

– Я не помню забор, – снова повторила она.

– Это хорошо. Это правильно, – задумчиво сказал он.

Она встала. Джинсы, которые она вчера не сняла с себя, а он не посмел, были заляпаны грязью, налипшей на них в том перелеске, где гнила прошлогодняя осенняя листва, в том перелеске, который она пересекла, чтобы добежать к автобусу. От нее пахло сыростью, потом, волосы были взъерошены. В глазах горел такой непонятный даже скульптору свет, который будто исходил у нее изнутри, что он зажмурился и потер переносицу, нахмутив лоб.

– Там ванна. Не могу смотреть на тебя такую. Мне нравится, когда женщина выглядит не как после последнего боя с врагам, а более изящно.

– А у тебя есть мужская рубашка?

– Что за глупый вопрос? У меня дюжина мужских рубашек.

Он открыл створку как будто наспех сколоченного шкафа. Причем сколоченного кем-то, у кого явно не было вкуса к какому-либо дизайну.

– Выбирай.

Она выбрала красную рубашку в клетку, взяла протянутое им махровое полотенце. В нем при желании можно было спрятаться, как в палатке – как раз из таких, какие так любила, но которые трудно было купить, точнее, найти в магазине.

Аля пошла в ванну. Но вдруг остановилась посередине коридора. Она видела, что ее окружают люди – лица людей, которых она не знает. Это были скульптурные портреты. Лица были разные – красивые, модельные, обычные, бесстрастные, молодые и старые. Они все были вылеплены из скульптурного пластилина. А несколько отлитых портретов и скульптур, покрытых золотом, стояло на этажерке. Вчера она не обратила на эти скульптуры внимания. А сейчас они как будто сами наблюдали за ней.

– В каждом из этих портретов – история жизни, и во многих – история любви.

Она прикоснулась к одному из портретов.

– Этот еще не закончен, – сказал моряк, – этот человек не захотел, чтобы я заканчивал его портрет.

– Почему?

– Он... испугался.

– Чего испугался?

– Кто ж его знает, чего он испугался. Бывает так, что люди боятся всего, но некоторым это дает дополнительные силы преодолевать трудности, а у кого-то висит замком на душе, и они никому ее не открывают.

– Ты говоришь страшные вещи. Я не хочу. Мне не надо больше слышать их. Прекрати! – она говорила это быстро, тонким голосом, уронив полотенце.

Но Аля сама... прекратила. Она увидела, что он готов в любой момент обнять ее и защитить, только знать бы отчего.

Он готов был сказать ей те слова, которые она всегда хотела услышать от кого-то.

Она ушла в душ и сняла с него рассекатель. Она думала, кого бы ей представить. Она не могла представить ни того, которого любила безумной любовью, ни тех, кто признавался ей в любви, прочитав несколько ее стихотворений, и имел на столах в своих кухнях, ни того, кто считал ее гением, а потом заявил, что никогда не сможет понять ее; а мысль о первом сексуальном опыте вызвала у нее боль в солнечном сплетении. И не один из них не мог ее удовлетворить.

Она крикнула:

– Влад!

По крайней мере, так к нему обращалась девушка, приславшая открытку на Рождество, которую она заметила здесь же, на стиральной машине.

Он быстро зашел в ванну, так как и не отходил, прислушиваясь к звукам. Она хотела, чтобы он смотрел на нее.

Аля почувствовала, как волна возбуждения и волнения усиливается и плавно движется от низа живота к груди, потом к голове, отдавая в руках и ногах игрой на кончиках нервов, а потом взрывается каким-то странным, нежно-сексуальным чувством, рассеивается по капелькам и гаснет там, где начиналась. Когда она кончала, то вскрикнула. Он смотрел на нее, просто смотрел, он не улыбался, и ей нравилось это.

Потом он вышел из ванны. Аля намылила голову его мен-

толовым гелем для душа и затем все тело, почувствовав прохладу. Не вытираясь, она намотала полотенце вокруг груди, один сосок был наполовину виден. И прошла на кухню, где висели портреты, нарисованные неизвестными ей художниками. Это были портреты, изображавшие этого скульптора-моряка. На каком из портретов был скульптор, а на каком моряк – было непонятно. Она сидела напротив него, озабоченная только одним вопросом – кто он?

Когда мастер предлагает выпить чаю

– Ты коллекционируешь истории? – спросила Аля.

– Нет, я наоборот их складываю... я их прячу.

Она бросила два кусочка сахара в стакан чая. Но чай уже был заварен кипятком вместе с сахаром. Она попробовала и вспомнила вкус детского сада и начальной школы.

– Я могу не бояться тебя? – она посмотрела в его глаза янтарного цвета. Он ничего не говорил, а только наблюдал за тем, с каким наслаждением она отпивает глоток за глотком советский чай из стакана в подстаканнике, покрашенном скульптурной серебряной краской.

И вдруг невпопад сказала:

– Мой кот. Я буду скучать по нему.

– Так, отшельница, ты что будешь есть? Смотришь на меня голодными сексуальными глазами и ничего не ешь.

Он открыл холодильник, достал оттуда парочку авокадо и пожонглировал ими в воздухе, – девочки любят, – усмехнулся он, – внутри сладкий, сверху – зеленый, и можно есть прямо ложкой изнутри.

Аля погружала в мякоть чайную ложку и ела с наслаждением.

– Мне нравится, как ты ешь.

Аля посмотрела на него. Странный комплимент.

– Ты знаешь, если тебе нравится, как человек ест, это уже говорит о том, что он тебе вообще понравится. В постели, кстати, тоже.

– Ха-ха, – изобразив смешок, она впервые за последние сутки почувствовала себя уютно.

Владу и правду было хорошо с этой маленькой женщиной, поедавшей недельный запас его авокадо. Он видел в ней противоречия его самого. И так как ему самому часто хотелось совершить какой-нибудь побег, он чувствовал солидарность с ней, тем более, она не ощущала его возраста. Впрочем, так и должно было быть.

Впервые за этот завтрак он взглянул на выглядывающий из-под полотенца сосок.

– А где рубашка? – вдруг спохватился он.

Алька смутилась и покраснела. Влад, почувствовав себя виноватым за ее смущение, сказал:

– Да я не намекаю ни на что. Может, у нас вообще не будет секса? – он проверял ее, отмечая борьбу души и плоти на бледном и удивительно живом лице.

Аля выпятила нижнюю губу и, поправив полотенце, засмеялась.

– Зачем я тебе?

– Я же сказал, может быть, ты послана мне свыше... – он улыбнулся, как улыбаются старые добрые ловеласы. – И все-таки, оденься. Я же дал тебе рубашку. Где она?

Аля вернулась в его рубашке. Свои джинсы она нашла в стиральной машине – они порвались в двух местах. «Так даже круче!» – подумала беглянка.

Моряк обнял ее:

– Видимо, они порвались, когда ты сиганула через забор, о котором ты даже не помнишь, – он засмеялся, – трусишка, прыгающая через заборы, как ты могла хотеть умереть?

Они зашли в основную комнату мастерской.

– Видишь этот портрет?

– Не очень, где мои очки?

– Да, вот же они.

Она надела свои ботанические очки.

– Как жаль и как хорошо, что жизнь не похожа на учебу в виде зубрежки. Очки, сквозь которые я смотрю на мир. Мне нужны розовые.

– Танцуй – и ты сможешь купить себе столько очков, сколько пожелаешь. Его метафоры уже начинали немного надоедать ей, а его она так и не разгадала.

История одного пути

– Это не зубрежка, не учение. Непредсказуема. Она может быть непредсказуема в своей предсказуемости, что еще лучше.

Когда-то я был молод и ничего не знал о ней так же, как и все зеленое в этом мире. Я окончил морское училище. Море... Оно так манило меня. Наверное, так же, как ты хочешь ехать в никуда, и мне хотелось... Вдаль от суши.

Быть внутри бушующего океана, внутри его неугомного клокочущего сердца. Где никто не знает о тебе, никто не скажет, кто ты, где ты, куда и как тебе надо плыть. А корабль идет по воде сам, управляемый капитаном. Ты скорешаниваешься с моряками, слушаешь шум моря и музыку, любая – на ура. Какое-то братство получается. И все вместе переживают и мель, и шторм. Неизвестность. И потом я понял, что я убегаю, убегаю от этого мира, хотя мне не от чего было бежать. Мне действительно не от чего было бежать и, наверное, поэтому я бежал.

Потом я влюбился, без памяти и без надежды. Она была такая молодая, так на тебя похожа. Такая порядочная, интеллигентная, как ты. И она ответила на мое чувство. Она у меня первая была. А мне было, как и тебе сейчас, 23 года. Тебя это удивляет, наверное, больше всего. Ведь вы, молодежь, сейчас в этом смысле – просто старики, все попробовали.

– Да нет, почему? Фрейд, помешанный на сексе, вообще в первый раз сделал это в тридцать лет, – сказала Аля, поправляя очки.

– Я жутко волновался. Боялся сделать что-то не так. Я все готов был сделать для нее. Это любовь. Любовь, которая теперь ждала на суше, и мне было, куда бежать. Я не хотел бежать от нее в пучину. Но я выбрал эту профессию. Точнее профессия выбрала меня. Или и в ту, и в другую сторону. И когда-то я уплывал, уходил в море, в другое сердце, сердце океана, которое тоже было мне родным. Я уходил туда, где была только вода. Но, несмотря на это, огонь и трубы пришлось пройти.

Однажды я вернулся из плавания...

Мы были в Дании, в Ирландии. И в Таиланде тайские девчонки лезли ко мне своими липкими, в ароматных маслах, руками, чтобы сделать массаж. Но я их всех посылал. Я говорил им на английском, что я женат, я не могу. Но они, видимо, плохо понимали по-английски, и приходилось просто посылать их подальше на любых языках.

Я видел в портах женщин, которые готовы были продать или подарить мне свое тело. Но я не хотел потерять сердце. Тем более моей женщины, моей первой женщины.

И вот однажды я вернулся, а ее не было... ее просто больше не было.

Обычно любимая встречала меня в порту в платье на бретельках, одна из них соскальзывала, когда она махала мне

рукой, а она поправляла ее.

А теперь ее не было. Ее не было вообще. Ее не было так, что ее имя уже нельзя было произносить.

С сушей меня будто больше ничего не связывало. Я стесал, я дрался с собой, чтобы как-то почувствовать, что я есть в этом мире, я хотел ухватиться хоть за какой-то кусок реальной жизни. А ее лицо... Ты знаешь, ее лицо, оно все время было у меня перед глазами. Она была похожа на тебя.

От слов, что Аля была похожа на нее, у нее пробежали мурашки. Так страшно быть похожей на чью-то жену, которой больше нет.

– Послушай, а она не обидится, что ты вот так это говоришь, сравниваешь ее с кем-то. Она не обидится, что может, у нас секс будет, что тогда...

Моряк улыбнулся, точнее, пошевелил уголками губ.

– Она просто отпустила меня и улетела. Я думаю, она бы позволила мне жить так, как я хочу, просто чтобы я был счастлив.

И я вылепил ее портрет, как будто она просила меня об этом, потому что все время была перед моими глазами где-то у меня в голове, в сердце, или просто где-то во мне. Ее лицо – оно все время представлялось мне. Меня никто не учил этому. Но у меня получилось, – моряк закончил свою путаную речь.

Он взглянул на Алю, прошелся по мастерской и, закрыв дверь, вышел на улицу. Было время пить чай «файв-о-клок»,

а они еще не обедали.

Ему нужно было остаться одному, и Аля не хотела мешать ему. Ее жизненный опыт не позволял что-то добавить к его рассказу, сказать какие-то слова. Она надеялась, что он поймет ее тишину, как и урчание в желудке. А еще она подумала, что ее комментарии про секс были слишком фамильярны и глупы, за что она мысленно ругала себя и смотрела в окно, как стая каких-то вернувшихся раньше времени из теплых краев птиц пожирала чудом оставшиеся ягоды на рябине под окном.

Если бы танцевать

– У тебя есть любимые писатели? – спросил Влад, поворачивая ключ в деревянной двери.

– Я люблю Ричарда Баха за то, что он знает, как жить. И еще Мураками за то, что он выдумывает себе жизнь.

– Ну, так может Dance – Dance?

– В смысле?

– В смысле – нам надо где-то перекусить. Мой приятель тут недалеко организовал неплохое местечко, там поэты приходят стихи читать. Насчет стихов не знаю, а вот отбивные отличные.

– То есть ты хочешь сказать, что поэты приходят туда, чтобы поесть отбивные.

– И поэты люди. Ты знаешь, поэты даже занимаются сексом.

– Я тоже поэт. Занимаюсь сексом и люблю отбивные, – обиженно произнесла Аля, пытаясь защититить «расу», к которой сама косвенно принадлежала.

Заведение, в которое Влад привел девчонку, как он называл ее, было построено в виде крестьянской избы. Худощавый паренек вышел им навстречу.

– Владище, какими морями! – воскликнул сочувствующий поэтам юноша, напоминающий на вид отстрелянного диссидента.

– Жек, мы поесть. Голодны, как шакалы.

– Да, я знаю, как голодны бывают люди искусства. Мне это не в новинку.

Алька выбрала место у окна с видом на какой-то прудик, в котором плескались уточки, словно заскучав, она пыталась сосчитать их. Прудик был похож на детскую ванночку с пластмассовыми уточками-игрушками.

Влад вышел на улицу в одной футболке. И только сейчас Аля обратила внимание, как он был похож на Нептуна. Она подумала еще, что прудик был маловат для такого Нептуна. За все это время ей ни разу не приходила в голову мысль рассмотреть тело неожиданного спасителя. Он был крепко сложен, на качественные мышцы выделялись из-под футболки с надписью «Меня интересуют только мыши, их стоимость и где приобрести». Алка усмехнулась: под курткой она и не разглядела, что спаситель взял с собой на ужин и чувство юмора.

Жека, которого они встретили у входа в заведение, был его владельцем. Он был большим поклонником поэзии. Когда-то он очень хотел набрать вес, почему и стал качаться и есть мясо, но лишь перешел на изощренные способы его приготовления, что не решило проблемы, но помогло изобретению сотни рецептов, по которым теперь подавали блюда в избушке, построенной на деньги его отца.

Тем не менее, в этой черной атласной рубашке и с маленькой бородкой он был вполне привлекателен. Однако, боясь

остаться одиноким, он женился на первой поэтессе, посетившей заведение, и которая попросила назвать его «У музыки за пазухой». Никак иначе, о чем ничуть не жалел Жека, хотя многие и считали его собственную музу несколько толстоватой. Ведь она была в два раза шире Жеки.

Жека подошел к Альке и сообщил, что сегодня «У Музы за пазухой» проходит слэм-битва о сексе и водке, и что если у Али есть, что продекламировать, он будет рад предоставить микрофон любовнице его друга.

На слово «любовница» новая подруга моряка не успела однозначно отреагировать, а диссидент в атласной рубашке уже объявлял о начале мероприятия, которое в этот раз проходило, по его словам, под эгидой тридцатилетия одного из завсегдаев.

– Что это? Куда ты меня привел? – Аля заглянула в янтарные глаза.

Влад молчал в надежде, что пряностный запах блюда от шефа прервет этот разговор, и он постебется над подпольными стихами. Но Аля, донимавшая его вопросами, натываясь на молчаливый янтарный взгляд, вышла на сцену.

Она вырвала микрофон у нахохлившегося владельца рубленого дома.

– Итак, первое стихотворение, из цикла «Водка и женщины».

– Их было двое – в одной постели, – проговорила Аля, как можно сексуальней.

– Она курили, наверно, с похмелья, – это предложение вызвало шепоток среди немногочисленной публики. А Жека довольно улыбнулся, понимая, что название вечера оправдывается.

– Развратник и девчонка со сломанной душой, – Влад, который наблюдал за происходящим, даже отметил, что некоторые из присутствующих уже начали переживать катарсис и тоску по первому сексуальному опыту.

– Их было двое, им было хорошо, – почти прокричала Аля.

– И ласка за лаской... по простыням, – Аля говорила слово «ласка» так, как будто ласка – это все, что было сейчас нужно этим голодным недоласканным поэтам. Некоторые из поэтов вздохнули, а некоторые усмехнулись.

Сочетание ее опыта и детскости всегда магически действовало на мужчин.

– Скользили назло кошмарным снам.

Они лечили друг друга

Древним приемом... – тут Аля сделала шумный вдох... – ... с учащенным дыханьем.

И мир под наклоном

Ложился на них сверху третьим.

Даже Влад удивился. Но Аля остановила его эротическую фантазию концовкой стихотворения.

– Прикинувшись легким, чтоб его не заметили.

Поэты аплодировали. Впервые поэты аплодировали Але.

– Молодец, девчонка! Еще! – раздалось с разных сторон.

Аля выбежала из «У Музы за пазухой», чуть не наступив в «ванночку в уточками». Влад, конечно, бросился за ней и все-таки наступил в многострадальный прудик.

– Солнце, это отличное стихотворение, – кричал он ей вслед, пытаясь подогнуть намокшую брючину.

Аля пробиралась сквозь какие-то кусты.

– Да подожди, солнышко, куда же ты?

Он настиг ее, сделав несколько прыжков на бегу и схватил своими сильными руками за ее дрожащие плечи.

Она всхлипывала, как только может всхлипывать ребенок.

– Боже мой, Влад, Боже мой! Как я стара!

Он молчал. Он готов был слушать, даже если это будет больно, скучно, тревожно, депрессивно, но он был готов. Потому что Влад помнил свои слова.

Он обещал ей кое-что...

– Их было много, а может, их было мало. Я не знаю. Они были разные: добрые, жестокие, но их одно объединяло – они все хотели меня. Иногда они хотели меня до агрессии,

как будто я что-то должна им, понимаешь... Но почему я им должна что-то? Иногда я даже думала, что я им действительно что-то должна, а поэтому я давала им то, что они хотели. Но теперь я не знаю – зачем?

Иногда я в постели начинаю делать то, что делали другие, думая, что другие это повторяют. Но они не повторяют это. И только два раза – только два – я вспоминаю с упоением. У меня было ну...

– Ну?.. – Владу стало любопытно.

– Раз пятьдесят.

– Я не понял, все вместе раз пятьдесят, или как?

– Все вместе. А иногда один раз было двадцать, и это оставляло только раны.

– На душе?

– Да, Влад, на душе. И еще микротрещинки.

– Микротрещинки..., – Влад вздохнул, – и раны на душе.

– Этих мужчин было, не знаю, много или мало. Когда у меня спрашивают, много их было или мало, я отвечаю, что не много... и не мало. Потому что их было меньше десяти, но больше пяти. И они никогда не верили мне. Один пытался изнасиловать меня, но мой организм не позволил ему это сделать. Понимаешь, не позволил. Все сжалось, тогда он сделал это другим способом, – Аля вздрогнула, и это вздрагивание было сильнее, чем все остальные...

А другой, которого я любила, любила безумно – я просто

выдумала это безумие и жила в нем! – он не верил, что я у него первая, впрочем, я и сама не верила. Но он сделал это со мной, когда был пьян. А третий трахатель, с которым мы трахались, как кролики, больше ни с кем я так, пожалуй, не трахалась, он не поверил, что это у меня был третий раз, – он ржал, понимаешь, надо мной и все время издевался, что я так сказала.

А потом их было много разных. Некоторых я чувствовала внутри сильно, некоторых почти не чувствовала, пока мне все это не осточертело. Я только помню, помню своего первого мужчину, в которого была безумна влюблена. Он не хотел меня трахнуть. Он меня ласкал. Он ласкал меня и целовал всю ночь, как в этом стихотворении, понимаешь, и ни разу не повторился в своих ласках. Ты знаешь, что на свете есть миллион способов любовных прикосновений, но из тех, других, больше никто этого не знал. И он всегда молчал. А я придумывала, придумывала, что он говорит, думает. И однажды, когда выяснилось, что тот, кого я выдумала – это не он, он ушел. Но его ласки и его поцелуи остались реальными.

Аля плакала. Влад держал ее крепкой хваткой за плечи, как будто боясь, что она упадет.

– Я вообще хотела стать актрисой, я хотела играть, – она разрыдалась еще больше, и несколько слез упало на пальцы скульптора.

– У меня было 10 мужчин, у меня было 10 работ, – Аля явно стала округлять числа, – но в итоге я одна, понимаешь,

в итоге, когда их нет, я одна посреди этого поля, где никого нет, никто не хочет понять меня или услышать... никто не слышит меня...

Влад не шевелился: что-то тяжелое давило на него, но он продолжал слушать плачущий голос Апки, голос капризного ребенка, который, как она сама считала, рано постарел.

– Е-мое, мне будет 25, а я никто. Я все попробовала: и секс, и наркотики, и рок-н-ролл. Ты знаешь, я ведь училась танцевать акробатический рок-н-ролл. Я работала в газетах, фотографировала мебель. Делала репортажи о бывших узниках концлагерей, и как инвалиды прыгают с парашютом. Неужели это все, чем можно занять жизнь? Я разрабатывала сайты, я расклеивала объявления и пересмотрела все фильмы, которые шли в кинотеатрах. Я закончила универ и двадцать курсов по новым технологиям. И куда, куда я пришла? Я ненавижу родителей, ненавижу свои профессии, и они ненавидят меня. Да, я даже трахаться не хочу. А то, что я хочу, я не могу. Я просто, наверное, псих, у которого ничего и никого нет. А то, что я хочу, я не смогу.

– А что ты хочешь? – сказал Влад.

Аля вывернулась из его рук и вопросительно посмотрела в его глаза.

Она взяла бутылку мартини, которую Влад поставил на траву, чтобы освободить руки для объятий.

– Нет, малыш, тебе не нужно сейчас пить.

– Да, он так называл меня, мой первый мужчина, – сказа-

ла она и вскинула пол-литровую бутылку: сладковатая жидкость потекла внутрь, грея сдавленное невыплаканными слезами горло.

Яйцо плавало в мировом океане

– Голова... – произнесла Аля, готовясь снова закрыть глаза, если отсутствие занавесок, как обычно, ослепит ее ярким солнцем.

Но день был пасмурный. Несмотря на начинающуюся оттепель, сегодня опять выпал снег, и какие-то дети, играющие за окном, пытались отнять друг у друга маленькую красную машинку. Их вопли и разбудили Альку.

– Отдай, это не твое! – кричал один.

– Ты не понял, придурок, у тебя никогда не будет машин, ведь твой папа – преподаватель.

Алька потрогала свою голову, тупая боль не давала сосредоточиться. Вспомнив свое искрометный дебют «У музы за пазухой», она улыбнулась.

Если кто-то когда-то и говорил ей комплименты, то чаще за ее улыбку.

И один прикольный продавец в магазине молодежной одежды как-то посоветовал ей улыбаться как можно больше.

Аля никогда не могла улыбаться специально и часто улыбалась не тем мужчинам, которым хотела бы улыбнуться. Улыбка приходила на ее лицо также внезапно, как исчезала с него.

Аля надела очки, они скорее привлекали к ней внимание, не смотря на то, что их крупная оправка делала ее похожей на

учительницу средних классов.

Но, как говорили мужчины, училка – это круче, чем секрета́рша.

Аля подошла к зеркалу. Она похудела за последнюю неделю. Несмотря на свой немодельный рост – меньше ста семидесяти сантиметров – у нее была интересная фигура. Изучая историю античной культуры, она выяснила, что ее размеры были почти общепринятыми размерами нимфы: бедра – 89, талия – 70, и грудь – 83. Ей всегда хотелось талию поуже, чем у нимфы.

Подумав несколько секунд о том, что и с такой талией можно жить, Алька, не застегивая, надела рубашку мастера, и, не удивляясь тишине в мастерской и приготовясь не шлепать по деревянному полу, решила пройти на кухню, откуда доносился запах крепкого ванильного кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.